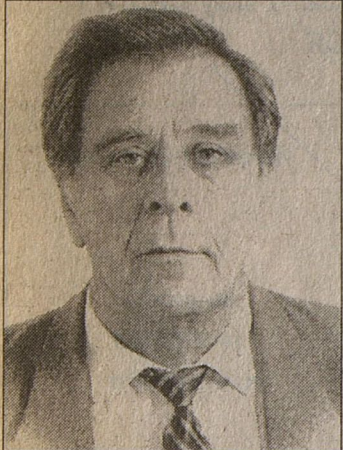

Независимый газ — 1999 — 6 мая — с. 11

Валентин Осипов

В СТАТЬЕ Василия Андреева «Один из пяти миллионов» целая колонка отдала рассказу Михаила Шолохова «Судьба человека» («ЕЛ-НГ» от 25.03.99).

Приговор суров: «Сочинение насквозь фальшивое и живое». Такого рода обвинений творцу ныне превеликое множество. Доказательств ли?

КАК ПЕРЕСКАЗАН РАССКАЗ

В тот день, когда усеялся за этот отклик, попал в ФСБ, в архив. Вышел — возмущенным — с письмом Шолохова. Наиважное: о судьбе — драматической — человека секретарю Президиума Верховного Совета и председателю. 1948-й: суровый для интеллигенции год. Еще и 2 лет не минуло после черного для культуры доклада Жданова и последующей череды погромных партийно-советских постановлений.

«Дорогой тов. Горкин! Болезнь, уложившая меня в постель, помешала мне позвонить Вам и условиться о встрече. Сейчас я подымаюсь и выезжаю лечиться. Пересылаю Вам заявление т. Ермолинского на имя тов. Шверника о снятии судимости. Со своей стороны заявляю, что знаю Ермолинского, как честного советского человека. С приветом М. Шолохов. 14.09.1948».

Немного в ту пору заступались за политизированных.

....1940 год: Шолохов и С. А. Ермолинский, драматург, сотворивший — сценарий «Поднятой целины». И не мог не знать вешенца, что его соавтор один из самых близких друзей: Михаила Бугакова. И Бугаков — каково совпадение! — «Поднятой целины» помогает Большому театру улучшить либретто оперы.

Жестока власть к Ермолинскому. В 1940 году арест. Не сразу вызволили. Но как жить с клеймом судимости? И вот Шолохов... Замечу: читатели «НГ» первыми знакомятся с этим письмом.

Поклон же архивистам ФСБ О. К. Матвееву и Н. П. Михейкину за новую — очередную — находку с именем вешенца. Все они драгоценны еще и потому, что совещают тех, кто не устает тиражировать о Шолохове всякие выдумки. Письмо в защиту Ермолинского, к примеру, прямо для Евтушенко, что — странно — тоже погрешил против истины, написав о Шолохове: «Не любил себя отождествлять с интеллигенцией, да и саму интеллигенцию недолюбливал».

Итак, цель рассказа критика о рассказе — объявить его вредным, «фальшивым и ложным». Одно к одному: ведь «Тихий Дон» — вопреки научным выводам — зачисляют в плагиат.

...Читаем же рассказ и то, что рассказал о нем критик. Сопоставление выявит, какова мера правды в утверждении, что он лжив.

В статье: «Фантастично выглядит побег из плена... Полковник радостно встретил бежавшего из плена, накормил, дал отдохнуть, а затем на месяц отпустил домой... А где Вездесущий СМЕРШ...». Что же на самом деле? Есть в рассказе и вопрос. И обоснования есть, отчего не некий полковник, а многовластный командир дивизии в радости внезапной военной удачи готов на все. То критик за-памятовал напомнить: герой рассказа пленный майора-немца с портфелем документов — комдив заполучил схему обороны врага (оценил: «Дороже двадцати языков»).

Дальше еще пуше цензура — это чтобы читатель пуше доверился пересказу: «И вообще в реальной жизни главный герой рассказа был бы расстрелян часовыми, лишь приблизившись к советским позициям». Однако-то у Шолохова все по правде: «Тут немцы создадут, а тут свои очертели, из автоматов мне навстречу строчат. В четырех метрах встопорело стекло пробиты, радиатор пополюли пулями...».

Какая же сверхзадача востребовала такие вот запрещенные приемы пересказа — переработки — рассказа?

Читаю в статье: «Лучше бы отпели не было... Появившиеся сочинения способствовали укреплению официальной точки зрения — пленный у нас не было, а были лишь «предатели»... В качестве примера

Валентин Осипов Осипов — писатель, сопредседатель Всероссийского Шолоховского комитета.

можно привести знаменитый рассказ Шолохова...

Теперь четко видна — сквозь политприщел — цель статьи: осудить классика за прислужничество-во-ле.

Но отчего же скрыта от читателя следующая — наиважная! — триада? — Уже в 1942-м рассказ «Наука ненависти». Творился вопреки предписанию жуткого для страны приказа Сталина — плен это измена, пленный под смертную казнь, семьи — под арест. Герой рассказа пишется ничуть не измученником, хотя прошел через плен. Итак, Шолохов отказывается видеть в пленных предателей, он родоначальник рискованной при диктаторе-правителе темы, да еще когда идет отступление и плененных все еще множество.

— «Судьба человека». Шолохов снова взял на себя защиту — от важно — тех, кто был в плену. Рассказ пишется в 1956-м и, я уверен, становится одним из убедительнейших обоснований для Хрущева внедрять Постановление с осуждением «оглуяющего политического недоверия к находившимся в плену...».

— «Они сражались за родину».

Будь роман завершен, появился бы одним из главных персонажей тот, чей прототип командарм Лукин: он пережил и плен, и допросы НКВД. И не стоит забывать, что боролся за его доброе имя — Шолохов и Симонов. И не надо замалчивать, отчего роман до 1995-го был испещрен политкупурами, — Брежнев и присные искореняли из него мотивы критики сталинизма (не таю: горжусь, что был вместе с

Статья продолжает дискредитацию Шолохова: «В рассказе ни слова не говорится о...».

— Не говорится «о вступлении (добровольном) пленных в германские вооруженные силы»? Герой Шолохова как раз-то усилиями Шолохова «вступил» — стал шофером у майора, и даже «добровольно» — хотя, правда, чтобы затем перейти к своим. Зачем же так — слово никак не найду корректное — с рассказом?! И то надо знать: немногие стали служить в армии врага. Один историк назвал мене, что не больше нескольких сотен тысяч, но ведь из 5 с лишним миллионов пленных. И то надо знать: по каким причинам — наиглавным — стремились покинуть лагерь, чтобы — для многих — потом перебежать линию фронта или уйти в партизаны. Читаю в огромном труде Министерства обороны ФРГ «Вторая мировая война»: «Голод, совершенно неудовлетворительные условия размещения, бесчеловечное обращение, наконец, уничтожение...». Все, как у Шолохова!

— Да, Шолохов не «отобразил», как это затребовано в статье, «эмисаров РОА». Почему — не знаю. Но знаю, что для этого нет в рассказе об одном лишь солдате Соколове ни психологической мотивации, ни логического фундамента (не повесть, не роман). Знаю и то, что из миллионов пленных к Власову перешло всего-то, по одним данным, 38 тысяч, по другим — 50.

— В статье и такое: «Ни слова о помощи пленным со стороны Православной Церкви». Но все тут «зауманено», чтоб критика Шолохова за «фальшь» казалась поубедительнее. О какой церкви речь?

1941—1942 годы. Михаил Шолохов — корреспондент «Красной звезды».

МИХАИЛ ШОЛОХОВ: СУДЬБА ПИСАТЕЛЯ

Рассказ о войне: кому верить — творцу или критику? Новая фаза антишолоховщины — подлоги и инсинуации

дочерью Шолохова инициатором реставрации этого творения).

И дальше линия — приучать читать рассказ в извращенном виде. Сперва — избран-де лживый сюжет, чтобы не писать о тех, кто сдался в плен добровольно: «Прежде всего, взял самый «неинтересный» случай попадания в плен — в бесхозном состоянии». Далее трамплином от рассказа новый приговор: «Еще более гротескно выглядят сплоченность и «советский патриотизм» военнопленных, при том что советских патриотов среди них было меньшинство». Что на самом деле?

Правдив Шолохов в рассказе, как Соколов попал в плен. Это автор пересказа стал цензором. Скрыл от читателей, что творец, предвзято сцену пленения, живописует горькое — в правде жизни — свидетельство: снарядов не было... а немцы прут в избыточной технике.

Правдив Шолохов и тогда, когда показывает патриотизм Соколова. Но вот автор статьи отчего-то разрешил себе...

— Странно (скажем так): статья убеждает, что предателей было больше, чем патриотов, а никаких сталданных. Это потому, что статистика взрывает неправду. Я к одному видному историку за консультацией — он: «Почти все попадали в плен по безоружию, окружению, ранению».

— Странно: критик, утверждая, что большинство шло добровольно в плен, не устыдился стать алкокатом преусердно подозрительного СМЕРШа. Один и тот же аргумент.

— Странно: статья, реабилитируя прислужников фашизма, переносит недавно возникшим настроениям общества не потакать прислужникам фашизма.

...Неправедно принимать чувств патриотизма. Напомню то, что забыл критик. Не только в нашей стране повешенных патриотических чувств, но и во всей Европе ненавидели «коллаборационистов» и судили, к примеру, во Франции маршала Петена, а в Норвегии даже писателя-нобелиста Гамсуна.

Еще приговор — вновь будто бы за фальшь: «Далее, чуть ли не главной проблемой для пленных оказывается выявление предателей... Одного такого, который хотел выдать противнику своего командира, убивают. Но, учитывая большую «любовь» простых солдат к командиру, особенно к комиссарам, могло быть наоборот...» Итак, пересказ внушает, что Шолохову бы надо возлюбить тех, кто готов выдать на расстрел товарищей по горькой судьбине — «комиссаров, коммунистов и евреев», как это затребовали в тексте фашисты. Но и здесь — на три слова — перо цензора. Так легче вербовать сторонников уничтожения правды о Шолохове и о войне.

— Предатель — он всегда и во всех странах предатель. И потому судим за это писателями по законам совести, то юристами по Уголовному кодексу. США тоже тому пример. Напомню, как карали по мнению властей предателей, начиная с невинных, кажется, супругов Розенбергов.

Июнь 1983 года. Вешенская. Одна из последних фотографий Шолохова. На снимке, кроме него, слева направо: автор статьи, писатель Валерий Ганичев, жена классика — Мария Шолохова.

Если о зарубежной, то она всякая была. Была, например, самочинная автокефалия епископа Волынского Поликарпа Сикорского — ее поддерживали оккупанты. Но были и патриоты, восшедшие на плачу. И все-таки есть в рассказе Церковь. Это пересказчик скрывает увещательный — смелый — призыв Шолохова: нельзя осуждать храмы. И смелый потому, что это злободневный при публикации рассказа — укор Хрущеву: возобновил святотатственную антицерковность.

Шолохов увековечил свое гражданское и творческое мужество, ибо пренебрег непрережностью обязательными установками власти — писать о пленных как о предателях.

...Судить изыщную словесность за то, чего в ней нет? Еще Пушкин отвергал такие судилища, а вот партагитроп как раз осуждал, коли не все «отобразалось». Шолохов это — вслух! — высмеял, когда получал премию за «Поднятую целину». Да и нельзя превращать рассказ в питательный учебник истории, к тому же писанный спустя время! Что же тогда останется, скажем, от «Доктора Живаго» или «Геркина на том свете»? От «Одного дня Ивана Денисовича» Солженицына, в

коем отсутствует та историческая онсастка, которая проявится спустя годы в «Архипелаге ГУЛАГ», и то в эмиграции? Помянул эти произведения не по риторике. Помяну, как громили Пастернака за извращение истории, а Шолохов, как узнал по архиву, ценой партиязисания требовал напечатать. Или читаю у Твардовского, что вешенец единственным подержал опальный поэму, когда с ней знакомился Хрущев, и выступил за публикацию лагерного — запрещенного — сочинения бывшего зэка.

Вернусь к приговору об ангажированности-официальности Шолохова. Но рассказ — и фильм-то все любимы. Явно потому и оттого, что в нем настроения от миллионов.

...Вспомнилась журналистская молодость. Как-то мой редактор осмелился пожелать со мной, сыном расстрелянного отца и закорюжанной матери: «Судьбу человека» возносят только за одно: за тему солдатского в плену подвига. Делают вид, что не продвигаются: как большое государство относится к маленькому человеку, пуская и великому духом. Шолохов выбирает с кровью из сердца откровения... Солдат там, в плену, остался верен своей стра-

не, а вернулся?.. Никому не нужен! Сирота! А с мальцом — две сироты... Песни... И ведь не только под военным ураганом. Но Шолохов велик — не соблазнился дешевым поворотом темы: не стал вкладывать своему герою ни жальостливой молябы о сочувствии, ни проклятий Сталину. Разгадал в своем Соколове извечное в русском человеке — терпеливость и стойкость».

Не скрою: я эти суждения — еретические тогда — далеко не сразу воспринял. Не сразу пришло и такое разумеение: отсутствием в рассказе — по букве, со словами СМЕРШ, ОГПУ и тому подобным — обличений сталинщины ничуть не значило, что творец ее простил. Напомню то, что «забылся» с целью спрямить мировоззрение Шолохова — речь на партсезле в 1961-м: «Не слышом ли мы терпим к тем, на чей совести тысячи погибших верных сынов Родины и партии, тысячи заблужденных жизней их близких».

Но нынче зачем — при полной свободе слова — скрывать от читателя в пересказе то, что пропущено? Не случайно лакированному партосопостальнику? Вот строки в портрет Соколова, а это камертон, настраивающий на правду, а не на агитку: «Я сбoku взглянул на

него, и мне стало что-то не по себе... Видели вы когда-нибудь глаза, словно присыпанные пеплом, напаленные такой неизбывной смертной тоской, что в них трудно смотреть? Вот что далее поручает Шолохов сказать-выплеснуть своему герою по великой правде и превеликому обобщению: «За что же ты, жизнь, меня так покалечила? За что искажила? Нету мне ответа ни в темноте, ни при ясном солнышке... Нету и не дождусь...» Вот тоскливо для души и шемаше для сердца высказано вослед Соколову и Ванюшке, которые по воле писателя уходят в никуда: «С тяжелой грустью смотрел я им вслед...».

РАССКАЗ О ПОДЛОГАХ

Мое досье свидетельствует: нет и месяца, чтобы в СМИ не посетовали — спихнуть Михаила Шолохова с пьестала! Долой, долой!

И пошло — от ретивых и неистовых — оправдывать сие уже не легкими версиями. В ход пошли подлоги и инсинуации. Впрочем, а что остается — в научных спорах терпится поражение.

...«Комсомольская правда» 18 декабря всей мощью тиража своей «толстухи» обнаружит заголовок «Шолохов был плагиатором...». И заверение работника Федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции: провела с начальником почерковедческую экспертизу и доказала «на все сто процентов» плагиат. Но ни фактов, ни акта. Зато полной дозой гипноза — Минюст, экспертиза, гарантия!

На мой запрос из министерства пришел ответ: «Эту экспертизу проводил другой эксперт, который

дался от партизаны, и тот, что рожден Владимиром Максимовым в эмиграции, — тоже клонули на наживку антишолоховщины. Но вот редакторы нового поколения пугаются моих откликов с инакомыслием. И таких отказов уже уйма. Страшно это: отвергнут закон демократии открытого сопоставления мнений.

Радио «Эхо Москвы» — всегда, отмечу, плюралистичное — решило выявить 10 лучших писателей века. И кто-то — но аноним! — подготовил от имени устроителей конкурса-опроса свод творческих биографий («ЕЛ-НГ» от 11.02.99). Это чтобы помочь читателям расставить их по ранжиру. Принят в таких случаях жанр объективной справки. Как же иначе, если конкурс, а не суд, тем более с позиций осужденной обществом презумпции виновности, если автор не ангажированный пропагандист и агитатор.

...О Шолохове статья. Камертон с первых строк — истинно фантазматическая, но ведь для испровержения: «Принц датский Гамлет пытался соединить разрывающуюся связь времен и вправить вывихнутый век, а советский писатель Шолохов еще в пятидесятые годы сделался профессиональным и убежденным разрывателем священной нити дней, а также рылом вывихивателем времени».

Неужто правда? Нет: не был он в 15 лет никаким неким профессионалом чего-то там глобально разрушительного... Впрочем, а вдруг это такие оценки — во устроение доверчивых — рассказов и романов? Тоже ложь. И в 15 еще ничего не написано. И «забыто» главное: Шолохов рисковал вопреки уста-

Это будущий творец-гуманист занижал ставки продналаго. А приговор — «год, условно»!

Статья продолжает настраивать против Шолохова. Вот доказывает, что аморальная — автором придуманная — личность не могла сотворить гениальный роман и по другим-де особенностям биографии: «Из-под пера малообразованного двадцатилетнего кавалериста выйдет эпопея...» Что же на самом деле? Начал писать роман после 23-х, после обогативших обещаний в знаменитом литбьединении «Молодая гвардия» под призором прославленного тогда Серафимовича, а за его плечью и похвалы от самого Льва Толстого, и непревзойденный «Железный поток», и после интереснейших рассказов. Закончил роман 36 лет от роду, в 1940 году. Малообразованный кавалерист? Не был кавалеристом. Высокая же эрудиция, с фундаментом от учебы, пусть и не полной, в гимназиях, в том числе московской, поразила даже О. Карлайна, верную соратницу Солженицына, а уж он так неистово ревнив к Шолоху.

Олегтарена даже трагическая история военного романа. Скрыл аноним, к примеру, и отчего долго писался, и почему избран политкупурами и итогом чего-то осталась незавершен.

Конеч статьи: «Бойко пуская культурнополитических в распыл». Прямо от меня вопрос: откуда факт? Предъявите доказательства! Если не окажется, так надо будет сжевать — дело чести! — журналистское удостоверение, а не просто шляпу по обычаю.

Приложение еще: хроника из семи дат при двух ошибках и неисчислимых умалчиваниях. Ошибки: в 1925-м Шолохов начал не «Тихий Дон», а «Доньшину», и «Судьба человека» написана не в 57-м. Перечислено: лауреат, член ЦК и Герой труда — явно в осуждение. А скрыто то, что демонстрирует отношение — истинное — творца к власти и отношению к власти — истинное — к творцу. На всю (!) долую жизнь политкупуры, запреты на издания и иные нападки от литкритиков (даже от Фадеева: «Не показана победа Сталинского дела») и парткритиков (даже от Сталина: «Грубейшие ошибки...», в Записке ЦК сразу о всех романах: «Образы коммунистов слабы»), доносы, аресты родичей и друзей, эта же угроза для самого, партызисания... Вот как карали за независимое творчество и неподчиненное поведение. «Тихий Дон» еще как опасен: И опасно заступничество за униженных и преследуемых — велик перечень имен: от друзей по станине, Льва Гумилева, от Андрея Платонова и его брошенного в застенки сына до командарма Лукина... И способствовал оборудованию запрещенных произведений: от книги стихов Ахматовой до «По ком звонит колокол» и «Одного дня Ивана Денисовича»... А его смелые обличения — и чудовищных перегибов в коллективизацию, и жутких репрессий перед войной — в письмах Сталину! Скрыто даже это: «НГ» оборудовала в декабре итог опроса авторитетнейшего ВШОМа — Шолохов вошел в список выдающихся деятелей мира, а его «Тихий Дон» открыл свод лучших романов века. 30-е годы. Были, оказывается, и тогда литопорсы. На первом месте «Тихий Дон».

...За что же аноним зачеркнул подлинную биографию и выдумал подложную? И ведь как схоже по приемам с тем террором, что вели против Пастернака, Твардовского, Солженицына.

Может, анониму извиниться. Или подумать: чем оправдывается на суде, если вдруг вынужден иск за нанесение ущерба чести, достоинству и памяти человеку недоговорной судьбы. Специально не пишу: классику или гению. Перед законом должны быть равны все. Увы, я вот по давности лет никому не могу дать хотя бы пощечину — за клевету на моих родителей в жанре статьи 58 УК.

Никак нельзя втискивать нагло-ложную жизнь Михаила Шолохова из неодолимого времени в прокрустово ложе политпристрастия. Ни от партагитропа с позолотой. Ни от нынешних политконъюнктурщиков с очернением. Хочешь правды о Шолохове — будь правдив! Прост, оказывается, принцип.

...Уж сколько лет в своих публикациях вопрошаю: «За что ненавидите классика?» Никто не отвечает.

Тогда я устроил некий опрос. Один: «Сенсация хочется. Не считаясь с нечестностью факты или все выдуманно? Второй: «На советскую историю запущены бульдозеры — а тут член ЦК, депутат, а к тому же внушное, что плагиатор». Малор Струа, известный публицист, недавно в «НГ» (от 16.03.99) так написал, озобовишись испровержением Шолохова: «Хотят сбросить с пьестала даже не столько для того, чтобы «наказать», а возвести на освободившийся постаммент новых кулиров». И завершил тираду, после приговора — мракобесие: «Нельзя допустить, чтобы в России на смену коммунизму пришел маккартизм».

Внемлите сему, г-да пишущие и печатающие, и будьте осмотрительны при имени Шолохова. (2)